
Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии

Андрей Зуев, Дмитрий Попов

**Attempts to subjugate the Central Asian nomads by the Russian state
in the 17th century: arguments of the Russian diplomacy**

Andrey Zuev

(Novosibirsk State University, Russia),

Dmitriy Popov

*(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)*

DOI: 10.31857/S086956870017300-1

В конце XVI в. Русское государство начало экспансию в Сибирь, что привело к включению в его состав новых территорий и народов. При их подчинении русская власть применяла в разных пропорциях и сочетаниях как военные, так и мирные методы, ориентируясь преимущественно на бесконфликтное развитие отношений с автохтонным населением. Универсальной рекомендацией, поступавшей из Москвы сибирским воеводам, а от них — командирам землепроходческих отрядов, было предписание действовать «ласкою, а не жесточью». Это подразумевало выстраивание мирного диалога с теми этнотерриториальными группами, которые подчиняли или стремились подчинить, прежде всего с их потестарно-политическими элитами. В диалоге русская сторона активно использовала вербально-символические концепты и материально-символические атрибуты, транслировавшие контрагентам русские представления о политическом мироздании в формате Русского православного царства, а также аргументировавшие необходимость признания ими власти русского царя¹.

В начале XVII в. сибирская администрация, действуя по указаниям из Москвы, установила дипломатические контакты с центрально-азиатскими номадами — тюркоязычными телеутами («белыми» калмыками), енисейскими киргизами и монголоязычными ойратами («чёрными» калмыками, джунгарами), хотогойтами и халхасцами. Целью контактов являлось поддержание мирных отношений, вовлечение названных народов в орбиту политического влияния Русского государства с последующим их превращением в подданных русского царя. Стратегия и тактика русской дипломатии, адресованной кочевникам, а также её реализация на практике обстоятельно изучена в историографии. Однако в исследованиях, посвящённых взаимоотношениям Русского государства и различных кочевых военно-политических объединений северных регионов Центральной Азии в XVII в., рассматривается преимущественно содержательная часть дипломатического диалога. Отмечая попытки русского пра-

© 2021 г. А.С. Зуев, Д.К. Попов

¹ См. подробнее: Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017; Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018.

вительства установить контроль над кочевниками, исследователи, как правило, акцентировали внимание на политико-правовой процедуре — принесении представителями кочевой элиты шерти (присяги), фиксирующей оговоренный в ходе переговоров набор их обязательств перед русским монархом. Вне поля зрения оставалась аргументация, с помощью которой русские послы, действуя в соответствии с инструкциями центральной власти, пытались убедить контрагентов принять на себя эти обязательства и дать шерть². Аналогичный подход присутствует и в исследованиях, посвящённых взаимодействию русской власти с кочевниками юго-восточной Европы (татарами, ногайцами, башкирами, калмыками)³.

Разумеется, принятие (или непринятие) кочевниками русских предложений зависело не столько от аргументации русской стороны, сколько от военной-политической ситуации, в которой в каждый конкретный момент времени оказывалось то или иное кочевое объединение. Тем не менее обращение к анализу этой аргументации представляет большой интерес. Оно позволяет выявить, во-первых, специфику вербально-коммуникативного аспекта взаимодействия Русского государства с номадами, во-вторых, параметры самопрезентации русского царя перед кочевыми сообществами севера Центральной Азии, отношения с которыми изначально строились как неравноправные, в-третьих, те доводы, которыми русская сторона обосновывала своё право на владение территориями и народами.

Необходимо отметить, что в последнее время вербально-коммуникативный аспект отношений Русского государства с иноэтничным населением Сибири и сопредельных с ней территорий всё чаще становится предметом специальных исследований. Внимание историков привлекают семантика «государева жалованного слова», маркирование социально-потестарных институтов местных народов словами, имевшимися в русском социально-политическом лексиконе, параметры образа Сибири в дипломатическом дискурсе Русского государства, а также различные приёмы аргументации, используемые русской властью при подчинении населения⁴. К последней теме, в частности, обращался

² *Шаштина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 36; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978. С. 19—21, 23—25, 26, 28, 35, 37, 55—56, 73; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 11—33, 35; *Боронин О.В.* Двоедланничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 43, 48, 50—51, 58; *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII — начале XX века. Новосибирск, 2005. С. 76—79, 86; *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 56—66; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 58—92; *Кушнерик Р.А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. С. 25—28, 32, 48—49.

³ *Викторин В.М.* Российское государство и кочевые народы // Россия и степной мир Евразии. Очерки. СПб., 2006. С. 319—326, 329—337; *Трепавлов В.В.* Присоединение народов Поволжья и Южного Урала // Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 152—173; *Почекаев Р.Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб., 2017. С. 45—50; *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500—1800. М., 2019. С. 64—73, 79—88, 202—206.

⁴ *Зуев А.С.* Освоение и присвоение Московским государством социально-политического пространства Сибири в конце XVI — XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 8. История. С. 61—72; *Зуев А.С., Слугина В.А.* Право на челобитье и обязанность доносить: регламент коммуникации царской администрации с иноземцами Сибири в XVII в. // Коммуникативная культура: история и современность. Материалы IX международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2019. С. 200—205;

П.С. Игнаткин. Анализируя риторику русской власти в отношениях с сибирскими аборигенами, он пришёл к заключению об однотипности риторических приёмов. Кроме того, ему удалось выявить специальную направленность различных эмоционально-психологических и речевых конструкций — их целевой установкой было формирование у контрагентов в кратчайшие сроки желания подчиниться «всемогушему» московскому государю⁵.

В данной статье на основе анализа дипломатических документов, прежде всего расспросных речей и статейных списков русских послов, ездивших с поручениями к главам кочевых объединений, ставится задача выявить набор аргументов, которые использовала русская власть, доказывая кочевой элите необходимость подчинения и службы русскому царю. При этом за рамками исследования мы оставляем те вопросы, которые требуют специального рассмотрения, а именно: появление и эволюция различных типов аргументации, сочетание в них «европейских», «византийских» и «ордынских» компонентов, а также действенность аргументации и степень её восприятия контрагентами.

Исследование хронологически охватывает весь XVII в. Нижняя граница — начало XVII в. — обусловлена установлением первых дипломатических контактов Русского государства с кочевниками на южных рубежах Западной Сибири. Верхняя граница — конец XVII в.: к этому времени изменилась военно-политическая обстановка в Центральной Азии вследствие исчезновения хотогойтского ханства, подчинения маньчжурами халхасских ханств, а джунгарами (ойратами) — енисейских киргизов и большей части телеутов; к началу XVIII в. основными акторами международных отношений на севере Центральной Азии оказались три государства — Россия, Джунгария и Цинский (маньчжурский) Китай. Контакты же России с Джунгарией и Китаем строились уже на иных принципах, нежели с аморфными кочевыми объединениями. К тому же с начала XVIII в. в дипломатическом дискурсе и дипломатической практике России стало активно проявляться западноевропейское влияние.

На протяжении всего XVII в. Москва стремилась вывести свои отношения с кочевниками на уровень безусловного признания ими тех правил поведения, которые она предлагала. Именно поэтому русская сторона постоянно предпринимала попытки привести представителей кочевых элит к шертованию. Нередко это удавалось: главы кочевых объединений (лично или через доверенных лиц) давали шерть, согласно которой обязывались «служить и радеть» русскому царю и не совершать нападений на подвластные ему территории и население. Но эти обещания чаще нарушались, чем соблюдались. Как отмечает Н.И. Никитин, кочевники рассматривали своё присоединение к какому-либо политическому образованию «не как окончательное принятие подданства, а как очередной выбор сюзерена (по сути дела, как свободный “вассалитет”», и в случае нарушения им оговорённых ранее условий или изменения внешнеполитических обстоятельств более не считали себя связанными прежними

Игнаткин П.С. К вопросу о дипломатических методах конструирования образа Сибири в Русском государстве в конце XVI — начале XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск, 2012. С. 39—43; *Игнаткин П.С.* Официальный образ Сибири в Московском государстве конца XVI — начала XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. История. С. 99—103; *Игнаткин П.С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск, 2013. С. 55—65.

⁵ *Игнаткин П.С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах... С. 65.

обязательствами»⁶. Во взаимоотношениях Русского государства и кочевников происходило столкновение двух разных политических культур. «Клятвы в верности, — констатирует А. Каппелер, — интерпретировались сторонами по-разному. В то время как в глазах кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для других “вождей” или кланов, Москва с её патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, выводила из этого претензии на своё полное господство, на территории соседей, на их объединение под своим началом»⁷. Несмотря на постоянные изменения «политического курса» кочевников, русское правительство упорно добивалось от них принесения шерты и постоянно напоминало о необходимости её соблюдения. Это предвлялось и сопровождалось переговорами, которые с русской стороны по заданию правительства организовывали сибирские воеводы, а осуществляли послы из числа сибирских служилых людей, преимущественно детей боярских.

Основные параметры дипломатического диалога с кочевниками задавались в инструктивных документах, направляемых из высших государственных органов — Посольского, Казанского, Сибирского приказов сибирским воеводам, которые на их основе составляли «инструкции» послам — наказы и наказные памяти. В этих «инструкциях» с разной степенью полноты и детализации, соответствовавших конкретной ситуации, желаемым целям и политическому статусу контрагента, прописывался алгоритм переговоров, в том числе набор аргументов, призванных убедить противоположную сторону признать власть русского царя или хотя бы поддерживать с ним мирные отношения. При всех вариациях переговорного процесса послы должны были общаться с кочевниками так, чтобы не «умалять», а «повышать» «государеву честь»⁸. Большую роль в дипломатическом диалоге играли толмачи — переводчики устной речи. От их эрудиции, знания тюркского и/или монгольского языков, владения этическими и коммуникативными нормами, принятыми среди кочевников, во многом зависел успех переговоров⁹. Толмачи должны были грамотно и внятно перевести «речи» переговорщиков и самое главное — верно передать смысл слов, сказанных дипломатами.

Проведённый нами анализ дипломатических документов показал, что набор и сочетание аргументов, применяемых русской властью и её представителями на переговорах для убеждения кочевников подчиниться русскому царю, варьировались в зависимости от предыстории русско-кочевнических отношений, их характера и конкретных обстоятельств, вызвавших переговорный процесс. Но при всех вариациях и нюансах вполне отчётливо выявляются те аргументы, которые наиболее часто и последовательно использовались русской

⁶ Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 67.

⁷ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 36. См. также: Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI—XVIII вв. М., 2007. С. 136—139, 144, 176; Трепавлов В.В. Присоединение народов Поволжья и Южного Урала. С. 167—168, 170; Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 18, 20, 23; Шерстова Л.И. Тюрки и русские... С. 79, 80; Боронин О.В. Двоеданничество... С. 49—50; Чимитдоржиева Л.Ш. Русские посольства... С. 25; Ходарковский М. Степные рубежи... С. 85.

⁸ См., например: Русско-монгольские отношения (далее — РМО). 1607—1636. М., 1959. С. 162, 194, 234; 1636—1654. М., 1974. С. 20, 40, 338, 346.

⁹ Карпова Ю.А. Языковая личность переводчика в устном переводе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. Вып. 57. С. 233—235.

сторонами, вследствие чего их вполне уверенно можно определить как базовые и принципиальные¹⁰.

В первую очередь к ним относилось обещание покровительства и наград со стороны русского царя. Во всех обращениях русской дипломатии к контрагентам декларировались «государева милость и жалование»¹¹, которые жёстко увязывались с необходимостью службы в интересах царя и его государства. Эта связь озвучивалась в формулировках, которые при всех вариациях применительно к конкретным обстоятельствам предлагали кочевникам следующую парадигму взаимоотношений: «И он бы... видя к себе наше царского величества жалование и милость, нам, великому государю, служил и добра всяково нам и нашему государству хотел»¹².

«Государева милость и жалование» выражались прежде всего в материальных ценностях — подарках, которые выступали важным атрибутом «посольского обычая» Русского государства в XVI—XVII вв., и не только в отношениях с разноформатными кочевыми сообществами, но и с государствами Европы и Азии¹³. Обмен подарками и услугами являлся, как известно, важнейшим элементом института дарообмена, который в полной мере функционировал в архаичных и традиционных обществах, в том числе и кочевых. Дарообмен в обязательном порядке сопровождал установление и поддержание мирных отношений¹⁴. Русская власть вполне владела технологией дипломатического дарообмена, поэтому в целях привлечения кочевой элиты «под высокую

¹⁰ Прочая, не рассматриваемая в данной статье, аргументация употреблялась от случая к случаю и адресовалась каким-либо конкретным кочевым объединениям. Это, например, могло быть предоставление кочевникам права кочевать на территории, находившейся под прямым контролем русских властей, и вести торговлю в русских порубежных городах.

¹¹ Лексема «милость» в XVII в. имела значения «благосклонность, любовь», «готовность помочь, оказание милости, поддержки, одаривание», «прошение, снисхождение» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9. М., 1983. С. 150—151; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 137). Под жалованием в данном контексте понимались вознаграждение за службу, а также подарки.

¹² РМО. 1636—1654. С. 97. См. также: РМО. 1607—1636. С. 62, 63, 68; 1636—1654. С. 19, 24—25, 39, 98, 99, 100, 151, 152, 168, 196, 197, 268, 270, 273, 337; 1654—1685. М., 1996. С. 337; 1685—1691. М., 2000. С. 67, 170, 183, 202, 296, 337, 363; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. X. СПб., 1867. С. 267; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 295, 296; РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, д. 29, л. 2; д. 32, л. 3; ф. 214, оп. 3, стб. 49, л. 236; стб. 252, л. 162; стб. 455, л. 778—779, 781.

¹³ *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 116—132; *Загородняя И.А.* Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенное // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII века. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвящённая 200-летию музеев Московского Кремля, 19—21 октября 2006 г.: тезисы докладов. М., 2006. С. 46—48; *Хеннинес Я.* Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг. М., 2016. С. 201—225; *Бережная Л.А.* Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским царством во второй половине XVII в. // На языке даров... С. 226—251.

¹⁴ На роль дарообмена у кочевников впервые указал первый исследователь истории Сибири Г.Ф. Миллер: «Брать и получать подарки настолько в обычае у всех восточных народов, что никакая дружба не может без них существовать» (*Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 13). См. также: *Жуковская Н.Л.* «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica-I.* Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884—1931. М., 1986. С. 160—168; *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские... С. 72.

государеву руку» (в том числе к шертованию) обнадёживала её «государевой милостью и жалованьем». В отдельных случаях при убеждении особо важных персон могли давать весьма обширные обещания. В 1636 г. русские посланцы сын боярский С. Греченин и подьячий А. Самсонов, общаясь в ставке хотогойтского алтын-хана Омбо-Эрдени с его доверенным лицом табуном Дуралом, убеждали последнего склонить алтын-хана к шертованию царю на условиях «холопства» (т.е. вечного подданства), а взамен обнадёживали его следующими словами: «Только ты, Дурал, на то приведешь Алтына-царя, что Алтын-царь сам шертует великому государю в холопстве, и ты, Дурал, у великого государя будешь пожалован лутчи прежнево: чево твой разум не сяжет — тем тебя государь пожалует»¹⁵.

Нередко в качестве аргумента, как разновидность «государевой милости», выступало обнадёживание военной помощью, но исключительно взамен признания власти русского монарха: «чтоб колмацкие князи и мурзы и всякий улусные люди были под нашею царскою высокою рукою и шерть, и утверждение, и заклады дали, что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и наш ясак с себя платить по вся годы безпереводно... а мы их также велим беречи и от недругов оберегати»¹⁶; «и он бы, контайша, великому государю... служил во всем, и под его царского величества высокою рукою был... а великий государь... тебя, контайшу, пожалует, учнет держати в своем царском жалованье и от недругов твоих оборонять»¹⁷; «только ты, Алтын-царь, государское повеленье исполнишь, великому государю сам шерть дашь и учнешь великому государю служить и немирные земли подводить под государеву царскую высокую руку, и великий государь тебя, Алтына-царя, по твоему челобитью и прошенью ратными людьми с огненным боем пожалует»¹⁸. Подобного рода обещания, иногда наполненные конкретикой, звучали во многих обращениях русской стороны, адресованных кочевникам в ситуации как их призыва в подданство, так и непосредственно принесения ими шерти¹⁹.

Но в то же время, по причине того, что кочевники в силу своего менталитета, образа жизни и способов жизнеобеспечения, а также исходя из своей оценки взаимоотношений с северным соседом, часто совершали нападения на русское и ясачное население, находившееся в подданстве царя, русская сторона в качестве аргумента — принуждения к миру и покорности — использовала также устрашение силовым воздействием. В случае отказа кочевников дать шерть, подчиниться воле царя и прекратить враждебные действия она угрожала им «государевым гневом», «войной» и «разорением»²⁰. Предлагался и несколько иной сценарий, когда русская сторона отказывалась от применения силы в обмен на шертование: «мы, великий государь, их, колмацких людей, пожаловали, воевати их не велели и велели им быти под нашею царскою рукою, и к шерти их, колмацких тайшей и всех колмацких улусных людей, велели привести на

¹⁵ РМО. 1636—1654. С. 39.

¹⁶ Там же. 1607—1636. С. 21.

¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. С. 293, 295.

¹⁸ РМО. 1636—1654. С. 41.

¹⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 252, л. 162; РМО. 1607—1636. С. 22—23, 99; 1636—1654. С. 20, 337; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 416.

²⁰ РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, д. 32, л. 3, 6; Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 21; РМО. 1607—1636. С. 166, 269; Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 154, 178.

том, что им нам, великому государю, служить и прямить во всем вправду»²¹; «мы, великий государь... Цысана мугальского и зятя ево Турукая-табуна пожаловали, хотим их вперед держать в нашем царском милостивом жалованье и в защищенье под нашею царского величества высокою рукою в подданстве и наших царского величества ратных людей на их улусы войною посылать не велели»²².

При этом в отдельных случаях (надо полагать, для усиления психологического воздействия и большего устрашения) русские переговорщики стремились представить царя как безусловно сильного правителя, который в состоянии собрать большую армию. Царская грамота от 1657 г., адресованная томскому воеводе кн. И.Н. Приимкову-Ростовскому, требовала отправить дипломатов к телеутским князьям Коке и Мачику с требованием «отстать» от «неправд» и дать шерть. Послам следовало убедить кочевников, что в случае их неповиновения царь «велит послати на них ис Казани, и ис Астрахани, ис Терка, ис Дона, и из дальних Запольных рек, и из Сибири многих наших ратных людей с вогненным боем и з большим нарядом, и их, и улус их велит разорить без остатку»²³.

В дипломатическом общении с главами кочевых объединений русская сторона, имея в виду перспективу их подчинения царской воле (на каких-то условиях) и даже полного безусловного подданства царю, в качестве аргумента активно использовала сформировавшийся в русском социально-политическом дискурсе образ московского правителя как «царя царей», которому подвластны многие территории и народы. В царских грамотах, адресованных кочевым «вождям» и оглашаемых дипломатами, в соответствии со сложившейся внутриполитической и внешнеполитической практикой вербальной презентации «великого государя» излагалась его полная титулатура, включавшая перечисление всех титулов (великий государь, царь, великий князь, самодержец, повелитель, обладатель), а также подвластных ему «многих государств и земель восточных и западных и северных». Это безусловно преследовало цель представить русского царя сильнейшим в мире властителем. И русские дипломаты непосредственно в ходе переговоров с кочевниками стремились, как правило, убедить их в этом, упоминая в своих речах (обычно в самой общей форме, без конкретики) о том, что многие иные правители служат или хотят служить московскому государю.

В 1616 г. атаман В. Тюменец и десятник И. Текутьев во время аудиенции у хотогойтского алтын-хана Шолой Убаши сообщили последнему: «Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, государь преславной и великой: многие цари и царевичи и короли под ево царскою высокою рукою и в его царском милостивом жалованье и в призренье»²⁴. В 1636 г. сын боярский С. Греченин убеждал посланцев халхасского Дзасактухана Субуди в том, что «не один Алтын-царь под государевою царскою высокою рукою, и многие государства под ево государевою царскою рукою учились»²⁵. В царской грамоте 1638 г., адресованной алтын-хану Омбо Эрдени, содержалась следующая фраза: «да и все государи, которые кочуют около тебя, Алтына-царя, хотят быти под нашею царскою высокою рукою и дань нам, великому государю, учнут давати, а нам бы их пожаловати своим государевым

²¹ РМО. 1607—1636. С. 22, 24.

²² Там же. 1636—1654. С. 337.

²³ РГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 10.

²⁴ РМО. 1607—1636. С. 63.

²⁵ Там же. 1636—1654. С. 46.

жалованьем»²⁶. В 1647 г. казачий десятник К. Москвитин говорил халхасскому Цецен-хану, «что государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси надо всеми неверными и непокорными цари грозен и силен»²⁷. В 1683 г. томский сын боярский И. Петров уверял посланца джунгарского Бошокту-хана Галдана в том, что «великие государи цари и великия князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... многих государств отчичи и дедичи, и наследники, и государи, и обладатели»²⁸.

Иногда, когда того требовал контекст переговоров, русская сторона детально информировала контрагентов о количестве правителей, покорившихся царю. К примеру, в 1684 г. иркутский воевода Л. Кислянский «просветил» посланцев халхасского Очирой Саин-хана следующим образом: «Царь и великий князь Алексей Михайлович... царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержец повоевали противников и непослушников и многие государства и королевства и княжества под свою великих государей высокую руку мечем подклонили и царей в полон побрали в вечное холопство и в подданство: царя казанского, царя астраханского, царя касимовского и иные многие немецкие королевства и княжества литовские, черкасы горские и многие орды татарские и черкасы запорожские. Все сии государства и княжества, и орды покорны им, великим государям, и служат в подданстве и в холопстве. А иные цари и царевичи и княжества, слыша их, великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, счастье и храбрость, и множество воинских людей, били челом великим государем и поклонились в подданство и в вечное холопство служить им, великим государем, — царь грузинский и царевичи и многолюдственный князь шляхочетский и многие царства и княжества, и ныне служат им, великим государем»²⁹.

Случалось, что русские посланцы в соответствии с господствовавшим в Московской Руси политико-религиозным представлением о мироздании и, надо полагать, совершенно искренне, убеждали кочевников в том, что русский царь как «помазанник Божий» является верховным земным владыкой. В 1638 г. сын боярский В. Старков произнёс перед алтын-ханом Омбо Эрдени речь, не лишённую эмоций: «А на земли хто есть иной царь, кроме великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси? Бог на небе, а он, государь... один на земли Богом венчанный и Богом дарованный царь и государь надо всеми цари и короли, и нет иного царя»³⁰. Схожую мысль, уже другому алтын-хану — Лубсану Сайн Эринчину, озвучил С. Греченин: «Свыше от всемогущаго Бога дана ему, великому государю... честь великая и непобедимая сила превыше всех царей, что есть на земли»³¹.

Апеллируя к «богоизбранности» русского царя, его дипломаты стремились донести до контрагентов совершенно простой и абсолютно логичный с их точки зрения тезис: русский царь имеет власть от Бога над всем земным миром, а значит все остальные земные правители априори уже подвластны ему и обя-

²⁶ Там же. С. 99.

²⁷ Сборник документов по истории Бурятии / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Вып. 1. XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 116.

²⁸ Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 209.

²⁹ Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. С. 279.

³⁰ РМО. 1636—1654. С. 109.

³¹ Там же. 1654—1685. С. 65.

заны подчиняться. Этот тезис, а также упоминание множества «царей, королевичей и князей», находившихся под скипетром русского монарха, должны были способствовать осознанию кочевыми предводителями бессмысленности сопротивления тому, кого Бог поставил властвовать над миром.

В связи с этим обратим внимание на аргументацию, использованную в 1636 г. С. Гречениным в попытке склонить «под государеву руку» алтын-хана Омбо Эрдени. Последний категорически не желал считать себя «холопом» «великого государя», заявляя, что шертовал он на условиях несения службы и уплаты дани «великому государю», а также ради получения от него военной помощи, а не для того, чтобы оказаться в «холопстве». При этом он указывал на то, что «холопство... в Мугальской земле бесчестно» и вообще там «не ведетца, что царь царю шертует сам», и просил, чтобы впредь «государь» не называл его «холопом». В ответ Греченин дал следующее разъяснение: «Многие государства учинились под ево государевою царскою высокою рукою в холопстве, и х кому великий государь пишет холопством, и то ему от великого государя честь, а не бесчестье»³². Эти же аргументы он в 1660 г. привёл алтын-хану Лубсану, который также не желал быть «холопом»: «многие цари и короли, и князи, и властели покорились нашему великому государю... и пишутца оне великому государю холопами и подданными. И то им великая честь, а не бесчестье»³³. Таким образом, согласно аргументации, изложенной Гречениным, вступление кочевого правителя в «холопство» — подданство «великому государю» являлось не унижением, а, наоборот, повышением статуса, поскольку в мире нет большей чести, гордости и радости, нежели служба «настоящему» и «истинному» царю — владыке мира. Именно поэтому принятие кого бы ни было в службу и подданство расценивалось русской стороной как высочайшее царское «пожалование»: «мы ево... пожаловали, велели ему и улусным ево людям быть под нашею государевою высокою рукою в холопстве»³⁴.

Ещё одним часто встречавшимся аргументом являлась апелляция к прежде данной шерти. Русская власть использовала её в двух случаях. Во-первых, когда стремилась пролонгировать шертные обязательства кочевых правителей. Эта потребность, в свою очередь, возникала в ситуации либо необходимости предотвратить возможную «измену» кочевников и напомнить им об их обязательствах, либо смены правящих лиц как в кочевых объединениях, так и на российском престоле. При этом русская дипломатия, как правило, стандартно ссылалась на шерти, данные ранее как здравствующим правителем, так и его предками: «а он бы, князец Кока, помня службу отца своего к тебе, великому государю, тебе, государю, служил и прямил»³⁵; «чтоб они, князцы и лутчие их улусные люди, ехали... в Томской город шертовать за государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси... по-прежнему по шертовальной записе, как они шертовали блаженные памети государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси»³⁶; «как отец твой алтын-царь и ты, Лоджан алтын-царь, в прежних годах блаженные памяти великому государю царю и

³² Там же. 1636—1654. С. 37, 39, 42.

³³ Там же. 1654—1685. С. 65.

³⁴ Там же. С. 24—25. См. также: Там же. С. 70, 228, 270, 337; 1607—1636. С. 22—23, 193; 1654—1685. С. 192; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842. С. 48.

³⁵ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 49, л. 181; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 241.

³⁶ РМО. 1636—1654. С. 283.

великому князю Михаилу Феодоровичю... и блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю... шерть свою дали... также б и ныне ты, Лоджан алтын-царь, с своими детьми и с яйзаны и со всеми своими улусными людьми буди в подданстве у великого государя, и великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю... шерть дай з детьми свои, и с яйзаны, и со всеми улусными людьми»³⁷.

Во-вторых, упомянутая апелляция присутствовала тогда, когда русская сторона убеждала кочевников (либо они сами желали) возобновить шертные обязательства перед царём, прерванные ими в силу разных обстоятельств. Кочевых правителей призывали «вспомнить прежнюю шерть», причём опять-таки не только свою, но и нередко своих предшественников: «чтоб он, Абак, помня прежнюю свою к государю правду и шерть, на чом он преж сего великому государю... шерть дал, от измены своей отстал и ко государской милости обратился, и был бы под государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве навеки неотступен»; «и они б, колматцкие тайши, не дожидаяся такого себе разоренья, великому государю нашему... служили и прямили по своей шерти по прежнему»; «чтоб... впредь бы от такова дурна престали и русских и ясашных людей не грабили, и во всем великим государем против прежней своей шерти прямили и радели не ложно»³⁸.

Апеллируя к прежним шертованиям, русская сторона явно стремилась подчеркнуть давность (пусть даже и весьма относительную) пребывания кочевников под «великой государевой рукою». Для неё исходным моментом отсчёта давности являлось принесение присяги-шерти и тем самым признание контрагентами власти русского монарха. При этом русскую дипломатию совершенно не смущал характер реальных отношений своего государства с кочевниками. Эти отношения она при необходимости интерпретировала в нужном для себя смысле. Вот как, например, в царской грамоте 1645 г. джунгарскому контайше (хунтайджи) Эрдени Батуру доказывалось его давнее «подданство» царю: «Ведомо вам самим, что из давних лет у великих государей царей и великих князей российских калмыцкие тайши со всеми своими калмытцкими с улусными людьми были в повеленье и в послушанье, а они, великие государи, их жаловали и берегли, и воевать их своим государевым ратным людем не велели. Также и у отца нашего, блаженные памяти у великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси самодержца, отец твой Каракула-тайша и ты, Контайша, з братьею своею, и з детьми, и с племянники, и все калмыцкие тайши со всеми своими улусными людьми были под его царского величества высокою рукою в повеленье и в послушанье... и правду ему, государю, давали, по своей вере шертовали, и служили ему, великому государю, правдою, и николи от отца нашего, великого государя, вы отступны не бывали»³⁹. В этой информации, за исключением отсылки к факту царского «пожалования» в 1620 г. контайши Хара-Хулы «под высокую государеву руку»⁴⁰, всё остальное

³⁷ Там же. 1654—1685. С. 337; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 605, л. 258 об.—259; РМО. 1636—1654. С. 229, 270; Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 167, 228.

³⁸ РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, д. 32, л. 4; ф. 214, оп. 3, стб. 70, л. 6; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 373, 454, 472; Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. С. 20—21; Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 178.

³⁹ РМО. 1636—1654. С. 269. Позже, в 1649 г., аналогичную апелляцию к ранее данной шерти и «службе» предков русская дипломатия использовала в обращении к калмыцкому (торгоутскому) тайше Дайчину (Там же. С. 355).

⁴⁰ Там же. 1607—1636. С. 99.

не соответствовало действительности: ни Хара-Хула, ни Эрдени Батур, ни прочие калмыцкие тайши не были «в повеленье и в послушанье» у русского царя, многие из них неоднократно совершали набеги на русские владения, а сибирские воеводы организовывали ответные походы в «Колмацкую землю»⁴¹.

Подытоживая вышеизложенное, можно констатировать, что активное и осмысленное применение русской дипломатией в разных сочетаниях и вариациях аргументов, призванных убедить центрально-азиатских кочевников признать своё подчинение власти русского царя, свидетельствует о том, что вербальная коммуникация являлась для русской стороны очень важным элементом воздействия на контрагентов. Центральным смыслообразующим компонентом аргументации выступала идея о русском царе как богоизбранном, а соответственно «настоящем» и «единственном» владыке земного мира, который «жалует» (принимает) под свою «высокую руку» тех, кто ему служит, даруя им взамен покровительство, защиту и высокий статус «государева холопа». Русская сторона явно стремилась сформировать как для кочевников, так и для себя самой представление о легитимности притязаний Русского государства на новые народы и территории. Кроме того, логика аргументации вполне соответствовала технологии осуществления экспансии, известной с древнейших времён — сочетании «кну́та и пря́ника», или, в русском варианте, — «ласки и жесточи»: тем, кто противодействовал «настоящему» царю, грозили «государевым гневом».

⁴¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 444—450, 455, 462—464, 466—468, 475—476, 479—481, 484—489; Пузанов В.Д. Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 2(76). С. 64—76; Кушнерик Р.А. Первые русско-ойратские официальные контакты и их особенности (конец XVI — XVII вв.) // Мир Евразии. 2009. № 2(5). С. 17—21; Матвеев А.В. Русско-джунгарская война в Среднем Прииртышье в XVII в. // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Тюмень, 2009. С. 113—117.